

РУССКАЯ МЫСЛЬ

La
Pensée Russe
HEBDOMADAIRE

Rédacteur en chef:
VLADIMIR LAZAREVSKI
Directeur responsable
CHRISTIAN BRUNET

Адрес Редакции и Конторы: 28, rue de Montholon, PARIS (9). Métro: Oudet. || ● ПАРИЖ, 29 ОКТЯБРЯ 1948 ● || Прием по делам Конторы ежедневно, от 11-ти до 13-ти и от 16-ти до 18-ти часов. В экстренных случаях звонить в типографию GOB. 84-97.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 3 месяца — 250 фр.; на 6 месяцев — 460 фр. ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ: на 3 месяца — 370 фр.; на 6 месяцев — 700 франк. Compte-chèques postaux 588344, PARIS.

Д Н И

ПАМЯТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Пятьдесят лѣтъ! Каретный ряд, дом Мошнина, "Царь Федор", "Чайка"... — Студенты, молодые дамы, разные барышни — все мы с азартом бѣгали смотреть Станиславскаго и Москвина, Книппер, Дилингу. Радостно вспомнить горячность молодости. Новый спектакль — новая грань. Счет времени вели: до "Чайки", *послѣ* "Дяди Вани".

Тогда не было синема, театр занимал не то мѣсто в жизни. Дѣло происходило "в душѣ". Вопрос развлечения, "как бы убить вечер", играл роль ничтожную. Нужно событие, потрясеніе. Так оно и получалось. Надо было, вернувшись домой, вновь переживать "Потонувший колокол" или "Одиноких", или "Трех сестер" — в юном кругу, за поздним чаем в воодушевленіи сравнивать (кто играл лучше), спорить и главное восхищаться.

Если мы, все-же столичные, так волновались, то что сказать о провинціи? Учителя и учительницы, статистики, земскіе врачи, просто либералы тверскіе или нижегород-

скіе, попадая в Художественный театр не хотѣли уж уходить. "Это все наше", — так можно было-б опредѣлить. Так молодая, просвѣщенная (или просвѣщающаяся) Россія принимала в сердце свое этот театр.

Он, правда, ни на что прежнее не походил. Малый театр в Москвѣ превосходен, конечно. Ермолова, Ленскій, Садовская — таких в Художественном не найти. Как не найти и такой стихіи русскаго языка. Учитесь ему можно было именно в Малом: послушать, хотя бы, московскій говор Садовской.

Но для нас, молодежи тогдашней, Малый театр казался просто театром, хорошим, не больше. Так играют во всѣх театрах, у Корша слабѣе, в Калугѣ еще хуже, но это все "обыкновенное". А в Художественном "необыкновенное".

По правдѣ говоря, все и было особенное, начиная с простоты зала зрительнаго, сѣроватых скромных тонов, через медленно раздвигающийся как бы портьерный занавѣс с чайкою, тухнувшій свѣтъ, звук гон-

га — и до отрывка жизни, куда ввелись мы, тихо сидѣвшіе в темном залѣ, а на сценѣ происходило не то, что полагалось в театрѣ обыкновенном.

Первое представленіе "Чайки". Занавѣс разошелся, на сценѣ полутемно. Деревья, вдаль озеро, под открытым небом устраивается странный спектакль, появляются зрители, садятся спиной к публикѣ. "Люди, львы, орлы и куропатки..." — Инна Зарѣчная начинает свою декламацию.

Нам, юным, казалось все это замѣчательным. Пусть мы были юны. Но жизнь и исторія оказались за нас. "Странная" пьеса с "декадентским" монологом удержалась. Театр укрѣпился. Он вошел именно и в Россію и в исторію ея искусства. Завоевал не только шумную молодежь и восторженных провинціалов: со своей простенькой чайкой на занавѣсѣ стал частью культуры русскаго. О нем написаны книги, слава его огромна, мирная слава, безрекламная и потому прочная. Прочная по существу, в исторіи. Но в самой мгновенности театра, в невозможности объяснить, показать тѣм, кто не видѣл — в этой "проходимости" театра есть, конечно, великая грусть. Это уж видѣвших сил. Люди моего вѣка видѣли и восхищались сдержанным, скромным, изящным художеством истин-

ных художников — наше счастье, нам повезло. Наши дѣти могут нам только на слово вѣрить.

Оркестровое исполненіе, все основанное на правдѣ чувств. Дух упорства и невиднаго энтузіазма художческаго, не останавливающегося и пред сотнею репетицій, лишь бы предѣлко выразить пьесу. Глубокая честность, очень русская простота, нелюбовь к позѣ, ходулям и штампам — все это в связи с обаяніем сценическим главных "лицедѣев", которые как бы и не стремились стать лицедеями: вот нѣкія бѣглыя черты, ими пытаешься как бы сквозь сон оживить давнее очарованіе, приблизить к нему тенерешняго человѣка.

Та эпоха, конечно, ушла. Ушел и героическій Художественный театр. Он продѣлал еще долгій путь, отражал на себѣ смѣну литературных теченій, вступил в полосу бурь и катастроф Россіи, выжил и среди них, стараясь, насколько возможно, не терять лица, здравствует и нынѣ. Физически укрѣплен. Внутреннюю же его жизнь отсюда нелегко видѣть. Судя по тому, что было показано нам перед войной, когда театр пріѣзжал сюда, дух упрощенія и огрубленія, воздух иной эпохи коснулся его немало. Иначе вряд-ли могло и быть. Таланты, разумѣется, есть. Но прежняго Художественнаго театра нѣтъ. Он ушел со своим

временем и с монахом от театра Станиславским, с тѣм пафосом единства, свѣжести, восторженной преданности дѣлу, какія были при его началѣ, осѣнялись и поддерживались в репертуарѣ Чеховым. Не зря на занавѣсѣ была чайка. Это театр Чехова, как Малый театр был театром Островскаго, как Комеди Франсез, есть дом Мольера.

От той полосы Художественнаго театра мало что сохранилось даже в личном составѣ. Предпослѣдним только что ушел Качалов. Осталась Книппер, навсегда связанная с Чеховым и лично, и по театру. (Называющемуся теперь театром Горькаго!).

Называть можно как угодно, вспоминаешь-же сейчас именно молодой Художественный театр, еще небогатый, без окладов и орденов, с энтузіазмом и свѣжестью, увлеченіями и ошибками, но и радостью прохожденія по нехоженным тропам. Орденов не было — театр сам был Орден, только не в том смыслѣ. А давать ему русскій народ того времени мог лишь невидимое и животворящее: любовь. Этому всему полвѣка. Но счет лѣтъ только укрѣпляет.

"Тебя, как первую любовь,
"Россія сердце не забудет".

Бор. Зайцев